

П.Н. Краснов

Амазонка пустыни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К77

Краснов П.Н.
К77 Амазонка пустыни / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 120 с.

ISBN 5-93264-014-6

В годы гражданской войны Краснов, талантливый писатель и публицист первой волны русской эмиграции, издает повесть "У подножия Божьего трона", а в 1922 году, уже в эмиграции, дополняет ее и публикует под названием "Амазонка пустыни"

Авантюрно-приключенческий роман насыщен опасными путешествиями по отдаленным и неизведанным местам, поисками золота и погонями, нападениями разбойников и перестрелками. Герои сталкиваются с предательством и героизмом и, конечно же, с романтической любовью на фоне дикой, первозданной природы...

ISBN 5-93264-014-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.Н. Краснов, 2021

Пётр Николаевич Краснов
Амазонка пустыни

Предисловие ко второму изданию

Предлагаемый роман написан в марте 1918 года, в станице Константиновской, на земле Войска Донского, при условиях не совсем обыкновенных. Армия, к которой я имел высокое счастье принадлежать, была уничтожена. Ее остатки, маленькая горсть офицеров и солдат, бродили где-то в закубанских степях, и мы, офицеры, скрывавшиеся по донским станицам и хуторам, ничего про нее не знали и питались самыми невероятными слухами. Почты и газет не было, и, казалось, все погубило и никогда не воскреснет Россия.

Роман был напечатан в количестве одной тысячи экземпляров под названием «У подножия Божьего трона», в Новочеркасске, в издательстве «Часовой», весной 1919 года, в те дни, когда рушился Дон и отчаянно боролись за его спасение добровольцы генерала Деникина и расстроенная Донская армия. Разошелся он по рукам, почти не поступая в продажу.

С тех пор прошло три года. Русская армия исчезла, рассеялась по маленьким гарнизонам Болгарии и Сербии, стала на пограничную службу в горах Македонии, Албании и Черногории. Старые, заслуженные полковники, прошедшие всю Великую войну, участники многих сражений, должны были подчиняться как рядовые молодым иностранным поручикам, и благодарить Бога и страну, давшую им приют и службу. Другие стали на работы, и наступили тяжелые серые будни.

И стал падать дух, и злая, черная тоска залегла на сердце. Кругом угрюмые горы, туман клубится по долинам, горные скалы нависли над пропастями, и все чужое, чужое...

И ничего своего. Никого своего, кроме кучки людей поста, таких же тоскующих русских офицеров и солдат.

Я приступаю ко второму изданию романа потому, что многое из старого позабыто, исчезло из памяти... Позабыта и наша постова служба и жизнь по маленьким гарнизонам в пустынях Центральной Азии.

А надо напомнить.

Великая война, длившаяся три года, а потом четыре года гражданской войны затмили прошлое и то недавнее, от которого мы удалены какими-то восемь-десятью годами, кажется нам давно прошедшим. Понятие о многом извратились. После войны армия нам рисуется как громадное количество, миллионы людей во времена мировой войны, потом сотни тысяч при генерале Деникине, десятки тысяч при генерале Врангеле, собранные на одном клочке земли, сражающиеся, готовящиеся к сражениям, прислушивающиеся в тылу к тому, как идут сражения. Семь лет войны — семь лет походов, подвигов, побед и поражений, семь лет красочных скитаний от Восточной Пруссии через болота Полесья и Карпатские горы в Донские и Кубанские степи, в солнечный Крым, яркий Константинополь, жизнь среди пестроты островов Леванта, прозябание по заграницам сделали жизнь как-ким-то суматошливым, тяжелым, но и ярким сном. И, когда остановились, стало казаться, что и жить нельзя. Когда рассеялась армия по Мурским Субботам, Белым Церквам, Измаилиям, Плевнам и вместо кипящей и гомонящей массы в тысячи людей стали посты по 12 человек, училища, батальоны кадетских корпусов, и кругом шла чужая, равнодушная к

России жизнь, то закралась в сердце неисходная тоска.

А как же было до войны? Как же жилимы сами, наши отцы и старшие братья тогда, когда стояли где батальоном, где ро-той, где постом в восемь человек по Камен-Рыболовым, Раздоль-ным, Хунчунам, Омосо, Нингутам, Копа-лам, Пржевальском, Кольджатам, Хоргосам, Игдырям, Давалу и прочим местам гр-омадной Азии и Закавказья?

Ни газет, ни общества. Чужие люди кругом, дикая приро-да, не наше небо.

А ведь жили. Жили годами изо дня в день, ожидая получения роты или про-изводства в сотники, обмениваясь редкими письма-ми. И не только жили, но честно делали свое великое солдатское дело, боролись с разбойниками, мечтали о подвигах, влюблялись, женились, имели детей, воспитывали их и посылали от себя в да-лекие корпуса и институты.

Был скромный быт, в котором в невероятно тяжелых и скучных условиях ковались те чудо-богатыри, которые три года побеждали лучшую в мире гер-манскую армию, которые не поддались Хаму и четыре года стойко боролись с ним и, всеми по-кинутые, не сдались на позор, но рассеялись и стали на тяжелую жизнь, на каторжную работу.

Роман «Амазонка пустыни» почти, что не вымысел. Вымы-сел только «ро-ман», но быт описан таким, каким он был. И этот героический быт показыва-ет, что в поисках героев, школы духа для подрастающей молодежи не нужно ходить за границу. Жизнь, полная приключений, идет не только в таинственно-прекрасных пампасах и льяносах Америки, на страницах романов Майн Рида, Густава Эмара и Фенимора Купера.

Сильных духом и волей людей мы найдем не только среди ге-роев Джека Лондона, Киллинга, Марши Корелли, но в нашей по-вседневности, на скучной постовой жизни в пустынях и дебрях Центральной Азии рождаются и воспитыва-ются не пьяницы и бося-ки, но великие духом люди, Пржевальские, Корниловы. И те, кто пронес беды русской армии через пучины страданий, вынесет на своих плечах к свободе и счастью саму Россию.

Их убивали — но убить не могли, их избивали, мучили мука-ми лютых пыток, но их не избili. Над ними издевались, но веру их не поколебали. Они идут к нам из глубины веков, от скромных Максим Максимычей Лермонтова, от казаков Дежневых, от ходоков в «Пекинское» царство, в таинственную Монголию, от тех, кто сумел из раздорливой удельной Руси соткать пышный ковер великой Российской Империи.

Нам все тычут пьянством, развратом, грязью нашего народа, вбивают в голову, что мы никчемные люди, дикари, навоз для более культурных народов, выродки, которым одно осталось-умереть.

За мною 35 лет жизни с этим народом, претворенным в сол-дата и казака. Пять лет скитаний и жизни на Китайской гра-нице и в Маньчжурии в обста-новке глубокого мира и грозы Япон-ской войны, и я видел, как скромные постовые офицеры и их жены несли в самые невероятные дебри пустыни европейский уют и умели жить.

Когда рисуют маленький гарнизон — непременно выдвига-ют на первый план сплетни и дрязги, мелкие ссоры (а где их нет?) и тщательно замалчивают хо-рошее.

Что это, русская черта — самооплевание, уничтожение паче гордости?

Нет, это черта интеллигентская — стыдиться быть русскими.

Передумывая и переживая свою прошлую жизнь, вспоминая сотрудников по службе на границе Небесной империи, у подножия высочайшей в мире горы Хан — Тенгри, которую киргизы называют «подножием Божьего трона», я пришел к твердому убеждению: стыдиться нечему, но горжусь, что я русский!!!.

Пусть прошлое наших офицеров и солдат скажет тем, кто скучает теперь в Черногорской Битоли, в Прекмурье, среди Африканских пустынь Измаили, в пустынях Сахары, в Иностранном легионе — что жизнь такова, как ее создают себе сами люди.

Всяк своему счастью кузнец.

И в пустыне, и на ледяных пиках угрюмых гор, и в свете столичной сутолоки одинаково светит ясное солнце, и Божье око глядит на суету мирскую, и Промысел Господень направляет судьбы людей.

Глядя в прошлое, не могу не верить, что будущее России не будет прекрасным. Пройдут тяжелые годы лихолетья, как проходили и раньше, и Россия воскреснет и станет еще краше, нежели была, потому что русский народ полон героев.

Но эти герои-незаметные герои... Они не рядятся в тогу героизма, и все, что они делают, кажется им простым и обыденным.

Роман «Амазонка пустыни» — роман приключений. Он протекает на фоне величественной панорамы гор и пустынь Центральной Азии, у «подножия Божьего трона». Это песня здоровой любви, родившейся под ясным небом, в просторе степей. Это чувство сильных людей, способных не только бороться, но и побеждать.

Мне хочется увлечь читателя в мир, где идет борьба, где льется кровь, где жизнь подвергается опасности и надо жить начеку, где совершаются убийства и самоубийства, но где это не так отвратительно просто, как это делается в советском раю, под властью дьявольского Интернационала.

I

Иван Павлович Токарев, начальник Кольджатского поста, только что окончил вечерние занятия с казаками, обошел конюшни и помещения, осмотрел, чисто ли подметен двор, сделал дневальному замечание за валяющуюся солому и конский помет — он требовал на своем ма-леньком посту идеальную чистоту, «как на военном ко-рабле», — и прошел на веранду домика, обращенную на восток. Сибирский казак, его денщик, принес ему на стол большой чайник с кипятком, маленький чайник с чаем, громадную чашку с аляповатой надписью золотом по си-нему полю «Пей другую» и бутылку рома, и Иван Павло-вич принялся за свое любимое вечернее занятие — беско-нечное чаепитие со специ-альными сибирскими сухарями, которые ему готовил его же денщик — Запева-лов.

Он любил эти часы умирания дня в дикой и нелюди-мой природе Центральной Азии. Любил звенящую тиши-ну гор, где каждый звук слышен издалека и кажет-ся таким отчетливым. Любил часами созерцать бесконечную доли-ну реки Теке-са, поросшую камышами и кустарниками и кажущуюся с этих высот широкой темно-зеленой лен-той, уходящую к другим, менее высоким горам, позла-щен-ным лучами вечернего солнца. Он любил эти дикие пики гор, причудливые скалы, имеющие вид то каких-то великанов, то развалин старинных замков с башнями и зубчатыми стенами, любил крутые скаты Алатауского хребта, по которым шумно неслась холодная ледяная Кольджатка, рассыпаясь в пену и пыль, любил ее моно-тонный шум в жаркие летние дни, когда ледник сильнее таял и тысячами капель и ручьев пополнял непокорную Кольджатку... Любил Иван Павлович и своих угрюмых и молчаливых сибирских казаков, положительных и серь-езных, и их маленьких мохнатых лошадок. Но больше всего любил свое одиночество, самостоятельность и неза-висимость ни от кого.

Здесь, у подножия величайшей горы в мире Хан-Тен-гри, называемой кирги-зами Божьим тронem, на высоте двух с половиной верст от уровня моря, Иван Павлович чувствовал себя как-то лучше, возвышеннее, чувствовал себя особен-ным, не земным человеком.

Служба была не тяжелая, но томительно-скучная. Стерegli китайскую гра-ницу, к которой спускалась кру-тая, заброшенная камнями, труднопроходимая тропа. По ту сторону границы стояла белая, квадратная в осно-вании, высокая глинобитная башня с зубцами — сторо-жевой китайский пост, в котором должно было поме-щаться двадцать человек китайских солдат, но китайцы караула не держали, и жил там только хромой на одну ногу старый китаец, сторож поста.

Ивану Павловичу было лет под тридцать. Был он высок ростом, статен и строен, как настоящий горный охотник. У него были густые русые, слегка вью-щиеся во-лосы, загорелое лицо с тонким прямым носом, с русыми небольшими усами, не скрадывавшими красиво очерчен-ных губ. Бороду он брил, и энергич-ный подбородок кра-сиво выделялся от тонкой, юношеской, темной от загара шеи.

Были какие-то причины, по которым он не любил и избегал женщин. Когда весной по Кольджатской дороге проходили киргизы на «летовку», на обширные плоскогорья Терскей-Алатау, он не любовался хорошенькими, раз-ряженными в

синие, желтые и красные цвета, в ярко горящих монисто молоденькими киргизками, не посылал им комплиментов на киргизском языке и не ездил потом в далекие кочевья, чтобы слушать их унылые песни и чувствовать подле себя женщину, полную первобытной прелести. Его не видали также никогда спускающимися в дунганский поселок, где темные дунганки в длинных белых одеждах носили на плечах глиняные кувшины, поддерживая их классическим изгибом руки.

Он занимался охотой, искал в неизведанных горах золото и драгоценные камни и жил, обожая природу и тщательно охраняя свое одиночество.

Его домик начальника поста был казенной глинобитной постройкой, устроенной инженерным ведомством со всеми претензиями и неудобствами казенной постройки.

Вдоль всего дома шла веранда с решеткой. Если бы эту веранду можно было обвить виноградом, плющом или хмелем, то она доставила бы много радости, но так как на камнях Кольджата ничего не росло, она стояла голая, доступная всем ветрам, и зимой сплошь забивалась снегом. Посередине были двери, ведущие в сквозной коридорчик. Этим коридором дом разделялся на две самостоятельные квартиры, каждая из двух комнат, так как предполагалось, что на посту будет два офицера. Теперь вторая половина была скудно обмещирована на полковые средства на случай приезда «начальства».

Иван Павлович жил в левой половине домика. Здесь у него был уютный кабинет, устланный пестрыми коврами из Аксу, со стенами, покрытыми коврами и киргизскими вышивками. На них в красивом порядке висели: отделанная в мореный кавказский орех трехлинейная русская винтовка, трехстволка Зауера, нижний ствол нарезной под пулю, и легкая 20-го калибра двустволка без курков отличной английской работы. Между ружьями висели патронташи, кинжалы, ножи, принадлежности конского убора.

У этой стены стоял диван, сделанный из низких ящиков, на которые был положен набитый шерстью мешок, и все это было покрыто тяжелым ковром. Подушки и му-таки дополняли устройство. Большой письменный стол был более завален принадлежностями охоты, нежели письма. Тут были весы, мерки для пороха и дробы, приборы для делания патронов и коробочки с капсулями. На противоположной от дивана стене был большой книжный шкаф с книгами по зоологии, минералогии, описаниями путешествий и т. п. Беллетристика почти отсутствовала.

Соседняя, меньшая по размерам комната служила спальней. Вместо ковров в ней были постланы бараньи, медвежьи и козы шкуры. У походной койки лежала громадная тигровая шкура, трофей самого Ивана Павловича, ездившего для этого на две недели к озеру Балхаш в поросшие густым камышом плавни реки Или. Простой умывальник и аккуратно развешанные по стене платья да офицерский сундук с бельем, на котором лежало седло, дополняли обстановку.

На веранде, по случаю весеннего времени, стоял обеденный стол, два венских стула и плетеный соломенный лонгшез, оставленный здесь приезжавшими на охоту не-сколько месяцев тому назад англичанами.

В правой половине домика, в большой комнате, была устроена спальня для приезжающих. Здесь стояла хорошая железная койка с пружинным матрацем, у окна большой стол с припиленным к нему кнопками клякс-папиром, накрытый от пыли старыми пожелтевшими газетами, и в углу простой, крашенный черной

краской шкаф для платьев. На полу вместо ковров были протянуты поверх прибитых для тепла барданок дунганские тканые циновки. Соседняя маленькая комната была пуста и служила для Ивана Павловича кладовой для патронов, консервов, запасов рома, сухарей и печенья.

Всюду была образцовая чистота. Стекла окон были вымыты, пыль обметена, а постель с подушками и сло-женным пуховым одеялом была накрыта чехлом из холста.

Кухня, помещение для денщика, сарай, конюшня, баня и другие хозяйственные помещения находились в отдельных, не инженерного ведомства, а самостоятельных постройках, тяжелых, неуклюжих, нелепо сваленных из земли с соломой, кривых и косых, не включенных в общую ограду. Они лепились одни выше, другие ниже главного домика на небольшом горном плато, обрывавшемся отвесными скалами к реке Кольджатке, а за ней к долине Текеса.

Веранда домика одним краем подходила к обрыву, и с нее-то и открывался тот чудный вид на необъятный простор таинственной, малоисследованной Центральной Азии, которым так любил любоваться и вечером, и утром Иван Павлович...

Большая чашка с надписью «Пей другую» допита маленькими глотками... Влитый в нее ром оставил приятное вкусовое ощущение во рту и разбудил неясные мысли и мечты, пронесившиеся под маленьким шумом легкого хмеля.

Иван Павлович уютно протянулся на лонгшезе и устремил взгляд в Текесскую долину. Глазами мечты он видел то, чего не было, он бродил в густом кустарнике и камышах реки, он вспугивал стайки золотистых фазанов, сгонял уток и диких гусей. Мысль его устремлялась в пестрое Аксу, таинственный подземный Турфан, где люди, чтобы спастись от жары, устроили город под землей, ему чудилось, что он видит за снеговой полосой Ала-тауских гор еще более высокую, сверкающую ледниками цепь Гималаев и Индию...

Внизу дунгане прогнали стадо баранов и коз, и блеяние овец, крики дунган и лай собак, отчетливо слышные наверху, стихли и замерли, и вечерняя торжественная тишина вместе с надвигающимся холодом от морозного дыхания ледников начала охватывать Кольджатский пост.

Вдруг чуткое, охотничье ухо Ивана Павловича уловило по ту сторону веранды на Джаркентской дороге погромыхивание военной двуколки и топот конских ног. Было слышно, как маленькие камушки обрывались и ка-тились вниз с узкой дороги, как скрипели они под подковками и шестелели под ободом колеса.

Никто не должен был приехать теперь на Кольджатский пост. Командир бригады был на нем всего неделю тому назад и проехал в Джаркент, где теперь разгар весенних смотров и скачек. Командир полка устраивал лагерь на Тышкане. Никакой смены или пополнения казакам быть не должно, продукты для довольствия людей доставлены подрядчиком-таранчинцем всего вчера, почта ходит без двуколки, на вьюке, раз в две недели, и раньше конца будущей недели ей незачем прийти. Охотникам теперь не время приезжать, да и путь идет прямо к Хан-Тенгри, минуя никому не нужный Кольджат.

Но слух не обманывал. И двуколка грохотала колесами, и топотали мерной ходою подымавшиеся в гору лошади.

Иван Павлович взял бинокль и перешел на западную сторону веранды.

Красное солнце спускалось за отроги Алатауских гор. Изъеденные временем

и волнами потопа, покрывавшими когда-то всю эту долину, скалы торчали здесь, вылепленные из мягкого мергеля, наслоившегося пластами темно-красного и серого цвета, то мягкими очертаниями холмов, то причудливыми пиками. Края их были точно окованы пылающей на солнце красной медью, тогда как сами горы тонули в фиолетовой мгле долины и казались изваянными из прозрачного аметиста.

Ближе виден был бесконечный скат Алатауских гор, покрытый каменными глыбами, Бог весть когда свалив-шимися с гор или принесенными сюда могучими ледника-ми и казавшимися отсюда, с этой высоты, маленькими черными камушками. Между ними от реки Или вилась дорога, которую можно было определить по поднявшей-ся, да так и застывшей в неподвижном вечернем воздухе золотой пыли, которая стояла змеей по всему длинному скату, насколько хватал глаз.

К самому посту, то, скрываясь за скалами или в глу-бокой расселине горного ущелья, то, появляясь на малень-ком хребтике или горном плато, приближались три всад-ника и за ними тяжело нагруженная двуколка, запряжен-ная парой лошадей. Простым глазом было видно, что два всадника — казаки, а третий был одет в бледно-серый ка-закин или черкеску и серую папаху...

Иван Павлович приставил к глазам бинокль и чуть не уронил его от удивления и от... негодования, потому что к Кольджату, несомненно, подъезжала женщина, и при-том женщина европейского происхождения.

А значит... Значит, на некоторое время, Бог даст, ко-нечно, недолгое, ему придется возиться, угощать, устраи-вать, заботиться именно о том существе, которое он мень-ше всего хотел бы видеть у себя на одинокой квартире.

Он снова поднес бинокль к глазам. Да, это была жен-щина. Хотя какая-то странная женщина, похожая на маль-чика, на юношу в своем длинном сером армячке, с вин-товкой за плечами, патронташем на поясе, большим но-жом и в высоких, желтой кожи, сапогах.

Он не тронулся с места, не кликнул Запавалова, что-бы приказать ему согреть воду для чая и приготовить ужин. Слишком велико было его негодование и огорче-ние, и он так и остался стоять на веранде, пока к ней не приблизились плотную приезжие и молодая женщина легким движением не сошла с лошади.

II

— Вы Токарев, Иван Павлович, — сказала она, и ее мягкий голос прозвучал в редком горном воздухе, как музыка.

Была она красива? Иван Павлович не думал об этом. Он ненавидел в эту минуту ее, врывающуюся в его жизнь и нарушавшую размеренное течение дня холостяка, установившего свои привычки. И перед казаками появление молодой девушки на одиноком посту являлось неудобным и как будто стыдным.

Но, прямо и сурово глядя ей в глаза, Иван Павлович не мог не заметить, что у нее были большие и прекрасные, темной синевы глаза под длинными черными ресницами, смотревшие смело. Это были глаза мальчика, но не девчушки. Изящный овал лица был покрыт загаром и нежным беловатым пухом, полные губы показывали характер и упрямство, а ноздри при разговоре раздувались и трепетали. Густые темно-каштановые волосы были убраны под отличного серого каракуля папаху, из-под которой помалычишески заorno вырывались красивыми завитками локоны, сверкавшие теперь при последних лучах заходящего солнца, как темная бронза. И вся она была отлично сложена, с тонкой девичьей талией, с длинными ногами с красивой формы подъемом, четко обрисованным изящным сапогом. Винтовка была тяжела для нее, но она, как мальчишка, кокетничала ею, патронташем темно-малиновой кожи и большим кривым ножом. Ей, видимо, нравилось, что на ней все настоящее мужское: и ружье, и нож, и толстые ремни, и кафтан серого тонкого сукна, и синие шаровары, чуть видные из-под него, и мужская баранья шапка. Видно было, что она больше всего боялась, чтобы ее не приняли за обыкновенную барышню-наездницу, переодетую в кавказский костюм, которых так много на кавказских и крымских курортах... И Иван Павлович это заметил.

— Да, я Токарев, Иван Павлович, — сухо сказал он, не сходя с места и не двигаясь ей навстречу. — Подъесаул Сибирского казачьего полка и начальник Кольджатско-го поста. Что вам угодно?

Она рассмеялась веселым смехом, показав при этом два ряда прекрасных белых зубов.

— Я так и знала, — воскликнула она, — что вы меня так примете.

— Простите, но я не имею чести вас знать.

— Вернее, вы должны были бы сказать: «Я не узнаю вас, я не могу вас припомнить». Нахальство этой женщины взорвало Токарева, и он настойчиво сказал:

— Нет, я не знаю вас.

— А между тем, — с какой-то грустью в голосе проговорила приезжая, — я вам довожусь даже родственницей. Помните Феодосию Николаевну Полякову, сумасшедшую Фанни, с которой вы играли мальчиком на зимовнике ее отца и вашего троюродного брата в Задонской степи? Я, значит, вам племянницей довожусь.

Лицо Ивана Павловича от этого открытия еще больше омрачилось.

«Родственница, племянница, да еще с целой двуколкой домашнего скарба; да что же она думает здесь де-лать», — с раздражением подумал он и протянул ей руку. Она пожала ее сильным мужским пожатием.

— Вижу, что не рады, — сказала Фанни.